

окрестностях не имеется, а известняк раскалять нельзя — быстро перегорает. Иногда кыновляне так хорошо поддают пару, что чугунные снаряды не выдерживают, их разрывает, и можно увидеть, как литой чугун распускался лепестками в момент взрыва на полях суворовских сражений. Картечь и ядра в Кыну действительно делали и отсылали в оружейные магазины на юге России как раз перед тем, как русская армия отправилась в Итальянский поход.

Сейчас земля потихоньку возвращает железо, которое поглощала полторы сотни лет существования завода. Такое впечатление, будто ей назначено родить не овощ и злаки, но металл. То это спёкшийся со шлаком бесформенный доменный выплеск, то гвоздь кованый, а то и четырёхлапый якорь. На одном из огородов собрали целую экспозицию: разнокалиберные ножницы, утюжки, картечные градины, молотки, колуны — чего только нет. Возле сарайчика сколотили из досок почти музейную витрину и там разместили невольные археологические находки.

Железные урожаи собирают по огородам весной. Когда приходит пора грядки вскапывать. Впрочем, если надеешься не на одни лишь всходы железа, нужно обязательно держать скот. Без навоза вряд ли что-нибудь толковое вырастет. А к следующей весне глина подчистую «съест» органику, и снова таскай навоз на грядки.

Таскать приходится, ковыляя вверх-вниз по склону, мало какое хозяйство располагает приличной горизонталью. Жизнь проходит на диагонали. Чтоб костёр развести, хворостяную кучку надо подпереть камнями. Корову же ничем не подпрёшь, и она может, поскользнувшись, полететь на нижний участок и, пробив крышу, оказаться в соседской бане — был такой случай.

Нынешние параболические антенны в Кыну зарастают ржавыми пятнами за сезон. А водостоки из

Плакун

кровельного железа своими прорезными узорами до сих пор радуют каждого, кто проходит мимо старой кооперативной лавки. Водостокам этим полтора лет. Коррозия не берёт кыновское железо, легированное ванадием, выплавленное на древесном угле, а потому не содержащее серы и фосфора, углерода — менее процента. Да ещё перекованное до такой степени вязкости, что сама структура его противодействует коррозии, напряжению на излом, корёжащему действию мороза. Хорошее было железо. Слишком хорошее. Чересчур качественное, чтобы конкурировать с металлом, выплавленным в мартенах на донбасском антраците.

Сейчас кыновское железо выступает из крошащихся кирпичных стен Троицкой церкви. Затейливо кручёное, брэнчит кольцами на дверных запорах. Прорезным кружевом водосборников подвешено под крыши старинных зданий. На печных дверцах под многими слоями побелки ещё можно разглядеть колесницу с античными героями — так в Кыну по своему, художественным литьём отметили победу

над Наполеоном, взяв за образец квадригу на арке Главного Штаба. Старики ещё иной раз бродят по склонам, наберут годных камней, сложат из них под открытым небом печь и трое суток, не отходя, топят. Известь получается замечательная, стены или печку побелить — всё равно что краской: не сыплется, как покупная, а шоркнешь невзначай локтем, рукав не забелится.

Люди как-то прижились на холодных, распещрённых временем камнях, в набитый мёрзлым железом кислый суглинок пустили цепко корни. Кто-то покидает Кын, иные возвращаются, обживаются основательно приезжие, молодёжь строится, старики поднимают на бетонный фундамент дедовские дома. Сколько им лет, кыновским избам? Один хозяин вспоминает, как 20 лет назад навёл справки у старика-соседа. Седобородый дядя Ваня Овчинников, а ему тогда было девяносто, ответил: «Сколько себя помню, дом твой всё чёрный стоял».

Уже не слышно щёлканья кнута дяди Миши Полушкина, колхозного пастуха. Он имел над всякой животинкой таинственную власть. Как скомандует, да с матерными прибавлениями: «Стройся!» И коровы выстраиваются колонной, причём по старшинству, а сзади пристраиваются телята, в хвосте — козы и овцы, и в полном порядке маршируют с горы на водопой к Кынку. Зимой умер дядя Паша, последний кыновской старовеер-кержак. Завалилась церковная ограда, столбики в которой — как пушечные стволы, облупилась краска на венчальных иконах. В тетрадке, где химическим карандашом переписаны икосы и кондаки, для сбереженья обёрнутой в газету «Звезда» с передовой статьёй «Директивы XIX Съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1953 гг.», выцвели чернильные акафисты. Каменная книга Кына раскрыта на середине. Прочно вколочены в каменную летопись главы, повествующие о триумфах и катастрофах, о вещах знаемых и событиях предполагаемых, но и непрочитанных, не до конца понятых страниц ещё немало, и чистых незаписанных листов хватит, пожалуй, на неопределённое будущее.

